

УДК 008 (517.3)

Повседневная жизнь аратов МНР в условиях социалистической модернизации

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 2.02.2019, принята 1.03.2019

В статье делается акцент на устойчивости традиций номадизма в условиях революционной трансформации жизненного уклада аратов, создания государственных и кооперативных сельскохозяйственных предприятий и перевода населения на оседлость. Выявлено, что в силу объективных причин седентаризация населения не была завершена в социалистическую эпоху. В результате в стране появились два типа сельского населения, оседлый и кочевой. Внедряемые государством инновации становились гармоничной частью привычной повседневной жизни аратов-кочевников, не затрагивая основных элементов жизнеобеспечения: хозяйства, жилища, пищи, одежды. Повседневная жизнь аратов МНР в условиях социалистической модернизации, безусловно, приобрела новые черты, но сохранила центральное ядро кочевнической культуры.

Ключевые слова: Монгольская Народная Республика; социалистическая модернизация; кооперация; седентаризация; кочевой образ жизни; устойчивость.

The daily life of Arats of Mongolian People's Republic in the context of socialist modernization

S.G. Zhambalova

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6, Sakhyanova St.,
Ulan-Ude, Russia
zhambalovas@yandex.ru

Received 2.02.2019, accepted 1.03.2019

In the article «The daily life of Arats in Mongolia in the context of socialist modernization» by S.G. Zhambalova the author focuses on sustainability of nomadism traditions in the context of revolutionary transformation of Arats' lifestyle: the creation of state and cooperative agricultural enterprises and the process of transferring of population to settled way of life. It was revealed that, due to objective reasons, sedentarization of the population during socialist time was not completed. As a result, two types of rural population appeared in the country - sedentary and nomadic. Innovations introduced by the state became a harmonious part of the usual everyday life of Arats-nomads, without affecting the basic elements of life support: economy, housing, food and clothing. The daily life of Arats of Mongolian People's Republic in the conditions of socialist modernization, of course, acquired new features, but retained the central core of the nomadic culture.

Keywords: Mongolian People's Republic; socialist modernization; cooperation; sedentarization; nomadic lifestyle; sustainability.

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России. Проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество» («The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society»). Номер госрегистрации АААА-А17-117021310269-9

Статья посвящена повседневной жизни аратов МНР в период социалистической модернизации XX в., направленной на создание государственных и кооперативных сельскохозяйствен-

ных предприятий и перевод населения на оседлость. Акцент на устойчивости традиций кочевого образа жизни в условиях революционной трансформации жизненного уклада аратов оп-

ределяет новизну статьи. Повседневная жизнь аратов МНР рассматривается как система жизненных практик, способов организации образа жизни в условиях кардинальных перемен. Слова «арат» (*ард*), «аратство» издавна стали общеупотребительными в русскоязычной научной литературе в значении сельское население, занимающееся скотоводством/животноводством.

В статье использованы полевые материалы, записанные в формате устных историй. И это не случайно. С.В. Ковригина объективно отмечает, что изучение повседневной жизни простых людей не может быть полным и объективным без обращения к материалам устной истории [1]. Большое место в работе занимают литературные источники, среди которых три монографии В.В. Грайворонского, последовательно исследовавшего проблемы перехода монголов к оседлости, изменения в уровне жизни, социальные проблемы переходного периода [2–4]. Им также подробно рассмотрена достаточно обширная историография вопроса на русском, монгольском и иностранных языках. Ценными для статьи представляются опубликованные полевые наблюдения А. Рона-Таша и Н.Л. Жуковской [5; 6]. В статье использованы материалы монгольских авторов [7–10].

Государственная политика МНР, нацеленная на социалистическую модернизацию, способствовала постоянной динамике повседневной жизни аратства: происходило внедрение в производство и быт технологий и норм, характерных для индустриального общества. Формировавшееся животноводство как важная отрасль хозяйства страны наряду с некоторыми инновациями (заготовка кормов, появление колодцев, развитие ветеринарии и т. д.) продолжало базироваться на традиционных технологиях экстенсивного кочевого скотоводства. Это одна из причин длительного сохранения кочевого образа жизни в новых условиях. К концу социалистического этапа развития страны процесс седентаризации не был завершен. По объективным причинам в постсоветский период кочевой образ жизни активизировался и в заметной степени сохраняется до настоящего времени. В повседневности современных монголов взаимодействуют и сосуществуют стереотипы кочевого и оседлого образа жизни. Безусловно, инновации глобального мира XXI века активно внедряются в современный кочевнический быт, не нарушая его центральной зоны.

Динамика перехода к оседлости. Г. Батнасан отмечает, что процесс оседания монгольских кочевников в той или иной степени наблюдался во все исторические эпохи [7]. По подсчетам 1918 г., свыше 90 % населения Монголии были скотовами-кочевниками. До 1921 г. оседлыми были

небольшое число городского населения и монашество при буддийских монастырях. Монгольская народная революция 1921 г. и создание МНР (1924–1992) не привели к стремительным преобразованиям в образе жизни монголов. В 1967 г. историки приводят следующую периодизацию истории МНР: 1925–1940 гг. — борьба за некапиталистический путь развития; 1940–1952 — борьба за строительство основ социализма; третий этап — борьба за победу социализма — характеризуется установкой на социалистические преобразования хозяйства, завершение строительства материально-технической базы социализма, культурное строительство [11]. В конце 1930-х гг. были созданы сельскохозяйственные предприятия, госхозы и конно-сенокосные станции [12, с. 33]. Эта первая волна модернизации почти не привела к сокращению частного сектора и практически не затронула основ кочевой повседневности. XIII съезд МНРП (17–22 марта 1958 г.) поставил задачу к 1961 г. кооперировать преобладающую часть аратов, рассматривая кооперацию как важнейший фактор постепенного перехода аратов к оседлости [13, с. 4, 5]. XIII съезд МНРП постановил оказывать всестороннее содействие сельхозобъединениям в развитии земледелия, создании оседлых центров с производственными и культурно-бытовыми постройками, строительстве жилья для членов животноводческих бригад вблизи пастбищ [14, с. 26]. Эта политика привела ко второму этапу коллективизации аратов, к кооперации ремесленников-кустарей и ограничению содержания скота рабочими и служащими городов. Безусловно, она была сформирована под влиянием Н.С. Хрущева в период его правления (1953–1964) [15]. После IV пленума ЦК МНРП (декабрь 1959 г.) переход к оседлости принимает организованный характер, для реализации программы планируется организационно-хозяйственное укрепление сельскохозяйственных объединений (СХО), постепенный переход не только к оседлому быту, но и к «оседлому» способу ведения животноводства [3, с. 90]. Началось активное обобществление скота аратов и создание СХО. Появляются новые госхозы. При такой активизации процессов седентаризации высокая доля кочевников все равно продолжает сохраняться. В 1967 г. это 454 тыс. чел. (63,1 % сельского населения) [2, с. 15]. Из-за малой доли горожан этот процент можно отнести к населению всей страны: по переписи в 1963 г., в ней проживало 1 071,1 тыс. чел., в 1969 г. — 1 197,6 тыс. чел. В начале 1970-х гг. оседлый образ жизни вели 250 тыс. чел. (40 % сельского населения) [2, с. 129], что показывает наличие тех же 60 % кочевников. Это свидетельство того, что с середины 1950-х до на-

чала 1970-х гг. не происходит значительного увеличения оседлого населения, что обусловлено технологией экстенсивного кочевого скотоводства, наиболее эффективной в данных природно-климатических условиях. Она продолжает главенствовать в животноводческой отрасли аграрного сектора, имеющего главное экономическое значение. Производство, базирующееся на кочевом образе жизни, многими исследователями XX в. воспринималось как отсталая форма жизнеобеспечения. В докладе на XIII съезде МНРП Ю. Цеденбал оценивает кочевой образ жизни как пережиток феодализма [13, с. 5]. Также считалось, что уединенная кочевая жизнь небольших групп кочевников затрудняет идеологическое внедрение ценных элементов социалистической культуры и формирование нового быта аратов [7]. Другие ученые видели объективную картину сложившейся ситуации, понимали детерминированность социально-экономических процессов природно-климатическими условиями региона. В.В. Грайворонский в 1979 г. писал: «... смена пастбищ, перекочевки животноводов со скотом в настоящее время представляют собой не пережиток, не анахронизм, а один из важнейших и существенных элементов ныне существующей системы животноводства» [2, с. 117].

На динамику седентаризации, безусловно, позитивно повлияла кампания по освоению целины в МНР, начало которой было положено в 1959 г. на основании постановления «О мероприятиях по развитию земледелия в 1959–1960 гг.». Кампания была активно поддержана СССР и другими социалистическими странами, оказывавшими материально-экономическую поддержку. Были созданы новые госхозы, появились десятки новых поселений, снабженных электричеством, где культивировалась новая бытовая и техническая культура. Получает дальнейшее развитие поселенческий стиль жизни, изменяется образ жизни сельского населения. Освоение целины имело большое значение для социально-экономического развития страны [8, с. 161].

До конца 1980-х гг. в официальных документах и научных работах политика седентаризации и кооперирования аратских хозяйств рассматривалась как бесспорное достижение социализма, в то время как результаты носили неоднозначный, противоречивый характер из-за переплетения как позитивных, так негативных последствий. В 1997 г. В.В. Грайворонский с новых, постсоветских позиций, на основе достоверных источников объективно оценивает эти процессы. Он отмечает, что основные причины сохранения кочевого образа жизни коренятся в объективной историко-экономической обусловленности кочевого типа скотоводства на территории страны. По-

этому с начала 1990-х гг. численность аратов удвоилась, наблюдался «кочевой бум» как закономерная реакция на «господствующую ранее одностороннюю, преимущественно негативную оценку места и роли кочевых и полукочевых народов, в том числе монголов, в мировой истории» [4, с. 130, 131]. Полевые наблюдения позволяют говорить о том, что кочевой образ жизни практикуется и в XXI в. В 2017 г. А.Д. Гомбожапов отмечает, что кочевничество без значительных изменений остается основой подвижного уклада жизни современного сельского населения Монголии, потому что животноводство — источник реальных доходов для подавляющего большинства сельских домохозяйств. Его трансформации обусловлены рыночными отношениями: в целом традиционное хозяйство постепенно становится товарным [16, с. 91, 92].

Мероприятия по интенсификации животноводства (создание колодцев, машинно-сенокосных станций, развитие ветеринарии и пр.) стабилизировали сельское хозяйство, но не смогли полностью ликвидировать технологию экстенсивного скотоводства, которая до конца социалистического периода сохраняла приоритет, а после его завершения начала активно возрождаться.

Период действенной седентаризации как государственной политики в целом занял три десятилетия (1958–1992). Это мизерный срок для преодоления традиций кочевого образа жизни, кардинального изменения повседневных привычек и будничных действий народа. Переход к оседлости у кочевых народов СССР занял несколько веков. Коллективизация в Бурятии (1928–1937) привела к окончательной седентаризации бурят, начатой в Российской империи, лишь в середине XX в. А.Д. Гомбожапов считает, что процессы оседания кочевников Монголии в XXI в. и бурятских скотоводов в XIX–XX вв., несмотря на хронологический разрыв, имеют одни и те же истоки [17, с. 147].

Специфика перехода аратов на оседлость. Политика перехода на оседлость предполагала поэтапное развитие полукочевой, полуоседлой и оседлой жизни через создание стационарных поселений двух типов. Первый — центральные усадьбы СХО и госхозов, где основное население проживало стационарно. Второй — постоянные центры производственных бригад СХО и отделений госхозов, которые состояли из загонов, кошар, складов, красных уголков, торговых точек, медицинских и ветеринарных пунктов, амбаров для хранения имущества кочевников. Из них 1/5 были электрифицированы, 28 % телефонизированы и радиофицированы. В 1973 г. в СХО насчитывалось 870 животноводческих и 236 земледельческих и подсобных хозяйств, а также 330 центральных усадеб и госхозов, представ-

ляющих собой довольно крупные поселения. Было 900 бригадных центров и ферм, здесь проживали от 1 до 3-х месяцев, иногда до полугода [2, с. 119, 133, 134]. В поселениях обоих типов временно прикочевывали араты.

Наряду с классическими формами появляются так называемые кочевки облегченного типа, предполагающие полукочевой, полуоседлый образ жизни. В 1970-е гг. около 190 СХО совершают только короткие кочевки (Хангай, Хэнтэй — 3, 5, 10 км), а 60 СХО гобийских районов кочуют на дальние расстояния в 100–300 км [7]. Материалы свидетельствуют о сохранении дальних переходов в тех же районах, что и в досоциалистическое время, например, в гобийской зоне, где скота всегда было больше. Оседлость приживалась в более плодородных зонах, где и раньше традиционно велся полукочевой образ жизни.

Важной производственной инновацией было создание специализированных бригад: одни пасут стада крупного рогатого скота (КРС), другие — отары мелкого скота (овец и коз). Специализация позволяла животноводам, присматривающим за КРС, реже кочевать и переходить к полуоседлости. В Хангае пастухи КРС кочуют только с зимних пастбищ на летние и обратно на расстояние 2–8 км. Интенсивность кочевков овцеводов сохраняется. В 1970-х гг. в аймаке Дорнод (ранее Восточный аймак), расположенном на самой границе с Забайкальским краем РФ, активно сохранялась технология кочевого скотоводства. Чабан из сомона Цаган-Обо Аюуш, 54-х лет, вместе с женой и сыном выпасал более 1 800 овец. В течение года они 11 раз меняли пастбища, кочуя со всем скарбом, и 10 раз чабан уходил в отгон, оставляя семью. Общая протяженность его кочевков составила 142 км, на одной стоянке он жил от 5 до 60 суток. Чабан Р. Цагандамдин в год совершал около 21-й кочевки, 10 из них с семьей, жильем и имуществом, и 11 раз один уходил в отгон со скотом. При такой технологической инновации семья арата кочевала реже. Хотя следует отметить, что отгонная форма пастбы была известна монголам издавна, до революции были отгонные пастбища (*отрын газар*) с хорошей травой, где не ходил скот. Туда уходили со скотом для нагула жира перед зимовкой [9, с. 542]. В 1970-х гг. половина годичных кочевков приходилась на отгон. Полукочевой образ жизни положил начало образованию животноводческих стоянок (*сурь*) и ферм, строительству новых поселений. В летнее время юрты ставят в одном месте [7]. В 1980 г. большая часть сельского населения находилась на начальной стадии перехода от кочевого к полукочевому образу жизни [3, с. 90].

Имеются материалы о повседневной жизни в аймаке Увс (бывший Убсунурский аймак) на северо-западе страны. Сомон Сагил расположен в

40 км от аймачного центра, города Улаангом. В 2007 г. здесь числилось 2 336 чел., из них в Сагиле 1 015 чел. В 1988 г. Н.Л. Жуковская выявила, что на 3–4 весенне-летних месяца, когда степь пересыхает, а вода уходит, сомон полностью откочевывал в Монгольский Алтай, за 80, 100, 120 км, вместе с конторой, магазином, больницей, библиотекой, музеем. Людей и их имущество организовано перевозили на летнюю стоянку и обратно. Обратно возвращались 27 августа, к началу учебного года. В 1983 г. исследователь отмечает в Гоби редкие стойбища *айлы* из 3–5 юрт [6]. Это свидетельство сохранения в регионе кочевого образа жизни. Привязанность к кочевому образу жизни у городских жителей МНР наблюдали А. Рона-Таш и В.В. Грайворонский [2; 5].

Повседневная жизнь аратов. Повседневная жизнь — это поток обычных, будничных действий, переживаний, взаимодействий человека. Переход к новому, социалистическому пути развития с созданием СХО и госхозов изменил жизнь аратов. Модернизация способствовала появлению трех видов собственности, государственной, кооперативной и частной. Основным источником существования семьи является работа в кооперативном или государственном секторе, частная собственность становится подсобным занятием. Коллективная форма производства, поддерживаемая государством, обеспечивала экономическую стабильность и повышение уровня жизни. Отмечается постоянный рост номинальных и реальных доходов, изменяется структура источников доходов (зарплата, льготы, социальные выплаты), прослеживается рост материальных и культурных потребностей населения [3, с. 187].

Повседневная трудовая деятельность арата проходила в двух направлениях: работа на сельскохозяйственном предприятии (в основном, животноводство) и работа в личном подсобном хозяйстве (скот), играющем важную роль в жизнеобеспечении семьи. В обеих сферах активно использовались традиционные хозяйственные технологии. Помимо этого, араты до кооперации были знакомы с работой по найму (выпас монастырских стад, наем к богачам, обработка). В личном хозяйстве традиционно трудились дети и старики. Это позволяло сохранять в распорядке повседневной жизни привычный, естественный порядок жизни. Коренной ломки повседневности не происходило, поэтому нет оснований говорить о «поломанной» повседневности. Повседневность аратов, продолжающих жить в юртах, проходит в переплетении мира знакомых предметов, привычных ежедневных занятий, требующих традиционных знаний.

В 1980 г. на одного члена СХО приходилось 93 головы скота, из них 77 общественного и 16 лично-

го (20 % поголовья). Количество частного скота разнилось по регионам: в Хангайской зоне допускалось до 10 голов на каждого члена семьи, но не более 50, в Гобийской — до 15 голов на каждого члена семьи, но не более 75; крупный скот (лошади, КРС, верблюды) должны составлять 1/3, а КРС — не более 12 голов. По статистическим данным, в среднем на семью приходилось по 30 голов. Показатель обусловлен тем, что часть членов СХО, обычно служащие, не имели личного скота, а животноводы нередко содержали поголовье выше допустимой нормы. Подсобное хозяйство на 80 % удовлетворяло потребности семьи в мясе и на 90 % — в молоке. В магазинах покупали муку, крупу, макароны, чай и сахар [3, с. 89, 105, 113]. В 1987 г., с экономическим кризисом в стране, связанным с общим кризисом социалистической системы, нормы поголовья частного скота были увеличены: в Хангае позволялось 75, а в Гоби — 100 голов. В конце 1980-х гг. араты владели почти половиной всего поголовья КРС и лошадей, 1/7 верблюдов, 1/5 овец и 1/3 коз. Они производили в частных подсобных хозяйствах более 20 % валовой сельскохозяйственной продукции, 40 % молока, 30 % мяса, 20 % шерсти. В 1990 г. ограничения сняли, теперь можно было иметь столько скота, сколько удастся прокормить. Монголы не развивали на частном подворье выращивание сельскохозяйственных культур, в 1988 г. было выращено картофеля 3%, овощей 1,9 %, заготовлено сена 11,6 % [4, с. 25; 26]. Эти показатели свидетельствуют о возрождении традиционного кочевого образа жизни и ослаблении инновационных сельскохозяйственных навыков, так и не получивших широкого распространения.

Г. Церенханд в своей статье (1973) вскользь отмечает, что в МНР личный скот пасется вместе с общественным [10, с. 559]. Относительно досоциалистического времени она пишет, что монголы кочевали стойбищами от 2 до 5 и более юрт, основной целью объединения был совместный поочередный выпас скота, когда каждый вид собирают в общие стада, отары, табуны [9, с. 539]. Такая форма пастбы практиковалась в советское время у сельских жителей Бурятии. А. Рона-Гаш в середине 1950-х гг. наблюдает, что в Гоби-Алтайском аймаке для выпаса скота объединяется по 3-4 семьи [5, с. 114]. В литературе не обнаружилось других сведений о способах выпаса частного стада. Этот пробел в некоторой степени восполняет устная история Д. Баяр, 1973 года рождения, записанная в 2019 г. Она рассказала: «Я родилась в г. Чойбалсан, выросла в Дзун-Хара, это железнодорожная станция в Селенгинском аймаке, сейчас город аймачного значения. Скот был общественный, он принадлежал СХО, а члены СХО могли иметь подсобное хозяйство. Вначале скота у них было поменьше, с 1990-х гг.

поголовье увеличилось. С каждым годом поголовье частного скота увеличивалось. Чабаны свой скот держали при себе, отдельно. Например, у него 1 000 голов общественных овец и собственных 50-100 голов. В социалистическое время в стране строго определяли, сколько приплода должен получить чабан от своей отары. И если общественный скот не приносил много ягнят или пропадавал, то он отчислял нужное количество из своего стада. Иначе его могли посчитать растратчиком. А так считается, что коллектив успешно прошел зимовку. Как создавали СХО? Весь скот отобрали у людей и зачислили в СХО. По факту это скот людей, в СХО это собственность всех его членов. В госхозах это государственная собственность. Сперва появилось несколько госхозов, после стали создавать СХО. Например, объединились 50 семей, дали название объединению, и государство начинает им помогать. СХО продает мясо, шерсть государству по твердой цене, а государство ему кредиты, ветеринарную помощь, бесплатного врача, строило школы в центрах СХО. Центры СХО становились центром более-менее цивилизованной жизни — электричество, школы, больницы, магазины. Дяди моей мамы были репрессированы, из 13 человек один вернулся. Она осталась вместе со своей мамой, у них было 250 овец и около 50-100 [голов] крупного скота, включая лошадей, верблюдов, коров. Как только стали строить железную дорогу, она поехала к брату, который работал там по путевке Ревсомла. Мама осиротела и поехала к брату. Свое имущество (юрту, скот) мама пересчитала и сдала в СХО с тем, чтобы вернуться и при необходимости получить свою соответствующую долю. Но так как она не вернулась, то все там и осталось. В 1990-е гг. при роспуске СХО все стали делить, распределять членам. Мы сказали маме, давай, заберем твой пай. Она говорила, что стыдно, не буду этим заниматься. В 1990-е гг. за репрессированных давали деньги, но мама тоже отказалась. Мама была тихая, спокойная женщина, целые дни варила, убирала. Мама работала. На железнодорожных станциях есть точки, где воду подают. Она закончила 3 класса. Мой отец был сварщик. Родители приехали в Чойбалсан работать и здесь встретились. Была ветка Чойбалсан — Соловьевск на Халхин-Голе. Отец и дядя там работали. Родители из настоящей монгольской местности, из Гоби-Алтая, это настоящая Юго-Западная Монголия. Она находится на границе с Китаем. Отец из рода *тогчин*, которые охраняли знамя и шли со знаменем впереди войска. Черное знамя Чингисхана. Быт. Они жили в юртах, у них был скот, были верблюды. Верблюды — самое полезное животное. Мама рассказывала, что по вече-

рам дедушки и бабушки детям сказки рассказывали. А потом и мы в Дзун-Харе засыпали под ее сказки, сказки своей мамы. Жили они в суровых условиях. Говорили, что в Хангае даже скот счастливее, чем человек в пустыне Гоби. Семьи имели по одной-две-три юрты. И там в 1930–50-е гг. казахи нарушали границу и похищали у монголов скот, людей, устраивали грабежи. Члены СХО, не связанные непосредственно с пастьбой скота, особенно овец, живут в центре, у них свой двор, юрты. Скот частный держали при своем дворе. Его пасли дети или старики. Коров выпускают утром свободно, вечером они обязательно придут сами. Если не придут, конечно, их ищут. За овцами надо ходить, они дороги не знают. Кто-то из семьи за ними ходит, пасет. Если много овец, как сейчас бывает, нанимают пастуха. Частный скот в общие поселенческие стада не соединяют. Каждая семья пасет отдельно, потому что все живут в отдалении друг от друга. У служащих почти не было своего личного скота. Даже чабан, который кочует с отарой СХО, свой скот пасет отдельно. У чабана же есть дети и старики, они смотрят за своим скотом, пасут их. Пасут и содержат отдельно, чтобы в СХО не забрали, посчитав за общественный. Очень строго было. Люди жили в юртах или деревянных домах. До 1970–80-х гг. жили в юртах. А если был дом, то он был маленький. Чабаны пасли в среднем тысячу овец СХО. Одному чабану можно управляться с тысячей овец. Например, утром в хорошем безлюдном месте у горы, где никого нет, он оставит отару. Овцы никуда не уйдут, потому что собаки будут смотреть за ними. Чабан может оставлять их и несколько раз за день отлучаться домой. Вечером он пригоняет овец на стоянку. Банхар — монгольская овчарка, очень хорошая пастушья собака. Они в своре могут от волков защитить отару. У чабанов было много собак, не менее четырех, пяти, иногда весь приплод оставляли в хозяйстве».

Две другие устные истории повествуют о повседневной жизни в аймачном центре и сомоне, центре СХО. В 2018 г. записан рассказ Оруулжав, 1971 года рождения, жившей на центральной усадьбе: «Мы жили в Говь-Алтайском аймаке, Эрдын сомоне СХО «Сайнгин аж ахуу», где население было 3 тыс. чел. Мой папа был кинемеханик, а мама учительница монгольского языка. В семье нас было пятеро детей, я старшая. Жили мы в шестистенной монгольской юрте (*гэр*), установленной стационарно. У нас собственного скота не было. У одних он есть, у других нет. Жили мы только на зарплату родителей. В сомоне был один магазин, в котором хлеб не продавали. Хлеб был только в центральном аймачном поселке, так как в селе нет производства хлеба.

Продавали *борсог*, его готовят из воды, муки, соли, масла, кусочка сахара. В летнее время на мясо родители выписывали в СХО, например, одну козу, одного барана и с документом ездили к чабану и получали животных на забой. Такое бывало летом. Говядину тоже выписывали, но только зимой, потому что холодильников не было. В сомоне постоянного электричества не было, его давали с 6 часов вечера до 11–12 часов ночи. У нас в сомоне деревьев нет, рядом леса нет. В других аймаках, где есть деревья, лес, строили деревянные дома. У нас таких домов было мало. Днем горячей еды в семье не было, только пили чай с *борцог* с чем-нибудь, вечером был горячий обед — суп-лапша, суп с пшеном (*будаа*), пирожки с мясом *хушуур*, мясные *буузы*, отварное мясо. В школу ходили все в одинаковой школьной форме: коричневое платье, белый или черный фартук, галстук, в волосах ленты. Все одинаковые. Мальчики в серой или желтоватой форме, похожей на форму пограничников. Десять лет учились, некоторые уходили после 8 класса. Выпускной вечер бывал в 8 и 10 классах. Ужина или чего-то такого не было, только торжественное вручение аттестатов, фотографирование. Остается памятное фото, в котором есть монтаж с фото здания школы, учителей, директора. С 1987 по 1990 гг. я училась в Ховдском пединституте. В 1990 г. перевелась на третий курс в Монгольский государственный педагогический институт в Улан-Баторе, окончила там и получила диплом. В Улан-Баторе жили в общежитии вместе с мужем. Папа кинемеханик. В сомоне был клуб кирпичный, большой. Это было самое большое помещение в сомоне. Детский сеанс для совсем маленьких начинался в 10 часов, потом были сеансы в 15 или 16 часов и в 19. Показывали только монгольские и русские фильмы. Некоторые были дублированы на монгольский язык, некоторые нет. Было много фильмов об отечественной войне. Детские билеты стоили 50 *мунгэ* (копеек), для взрослых 1 *тугрик* (рубли). Люди кино любили. Все, и мужчины, и женщины, семьями ходили вместе в кино. Русский язык изучали в школе. Учителя получали больше всех, от 800 до 1 000 тугриков. Так зарабатывала моя мама. В Гоби есть районная надбавка, поэтому зарплата была выше».

Батдорж, 1970 года рождения, родился и вырос в аймачном центре Говь Алтай. В 2018 г. он вспоминал: «Нас в семье были папа, мама и восемь детей. Отец шофер, мама учительница географии, жили в юрте (*монгол гэр*). Наша юрта не кочевала, стояла на месте, амбар был небольшой. Все 10 человек умещались, никому не было тесно. Зимой юрту утепляли. Во дворе росло одно дерево. Двор продали потом другим людям, так как все разъехались. Телевизоры появились вначале только в аймачных центрах. В 1980 г. в нашем

центре было только 5 телевизоров: у аймачного начальника, у партийного начальника и у нас был телевизор с антенной наверху. Свет у нас был круглосуточно. В 1985 г. в сомоне появилось несколько телевизоров, а в аймачном центре в это время телевизоров было уже много. Хорошо жили, у всех работа была, пьяниц, лентяев не было. Ваша советская перестройка на нас подействовала. Сельские жители носили монгольскую одежду, а интеллигенция носила и монгольскую, и европейскую одежду. Жилища были разные: юрты, кирпичные и деревянные дома».

Приведенные устные истории верифицируют факт внедрения социалистических инноваций в традиционный повседневный уклад монголов без нарушения центрального ядра кочевнической культуры. К концу 1960-х гг. потребности сельчан в швейных машинках, радиоприемниках и транзисторах были в достаточной степени удовлетворены. В середине 1970-х гг. отмечался большой спрос на мотоциклы, стали покупать легковые автомобили. В конце 1970-х гг. появились стиральные машины и холодильники. В 1977 г. в центре сомона Бигэр (Говь-Алтай) 40 семей имели стиральные машины, а две — холодильники. Безусловно, такие бытовые предметы покупали в основном оседлые жители аймачного центра и сомона. В семье Б. Урчгэра было две юрты, швейная машинка, два транзистора, три никелированные кровати, с 1964 г. он сменил три мотоцикла и собирался купить четвертый. Две его юрты стоили 15 тыс. тугриков [3, с. 117].

Материалы Н.Л. Жуковской, наблюдавшей признаки оседлого быта, верифицируют эти сведения. 20 августа 1979 г. она побывала на типичной для таежной зоны центральной усадьбе сомона Жаргалант Арахангайского аймака. Здесь много добротных деревянных построек как общественного значения (правление сельхозобъединения, школа-интернат, магазин, больница), так и частных. В огороженном дощатым забором частном дворе стоят жилая юрта, жилой деревянный зимний дом, деревянный сарай/амбар без окон, крытый загон для скота и уборная. По ее наблюдениям, в 1950-е гг. такие постройки в личном хозяйстве арата были немыслимы [6]. Судя по всему, даже в данном регионе, богатом лесом и пастбищами, юрты продолжали бытовать в качестве основного жилья наряду с деревянными постройками.

Одна из граней трансформация повседневной жизни аратов была связана с политикой всеобщего, которая реализовалась благодаря созданию школ-интернатов для детей аратов. Проживание детей вдали от родителей ломало многие традиционные стереотипы внутрисемейных связей, обязанностей и т. д., приводило к сужению пространства повсе-

дневной жизнедеятельности как родителей, так и детей. Получение среднего, среднетехнического и высшего образования было важной ступенью перехода к оседлости, отхода от кочевого образа жизни, от труда арата. О сохранении кочевого уклада в новых условиях свидетельствует то, что в 1950-е гг. школьные интернаты размещались в юртах большого размера. А. Рона-Таш пишет, что в одном из сомонов 400 школьников переезжали в интернат аймачного центра. Интернат размещался в нескольких юртах, где дети жили с осени до весны, а по окончании учебного года садились на коней и уезжали домой [5, с. 58].

Сохранение кочевого образа жизни в условиях социалистической модернизации. Повседневная жизнь аратов в условиях социалистической модернизации демонстрирует неполную реализацию государственной политики седентаризации. Несмотря на наличие трех локальных природно-климатических зон, отличающихся по степени приспособленности к оседлому образу жизни, процессом была охвачена вся страна. Легче он проходил в плодородных зонах с обильными пастбищами и лесом, где и ранее кочевки были минимальными, но и там сохранялись кочевнические традиции. В результате седентаризации во всех аймаках одна часть населения, в зависимости от сферы занятости, становилась относительно оседлой, а другая оставалась номадами (араты-животноводы). При этом большинство оседлого населения проживало в юртах, сохраняя рутинные привычки традиционного повседневного быта кочевников. Об этом достоверно свидетельствуют приведенные выше материалы из аймаков Увс, Арахангай, Дорнод, Говь Алтай, Селенгэ и др. Это подтверждают личные наблюдения А. Рона-Таша, работавшего в МНР в 1956, 1957 гг. В его записях присутствуют подробные картины повседневной жизни аратов. В быту прослеживаются вкрапления новых предметов, не нарушающих традиционный уклад: стереотипы поведения людей, распорядок жизни, юрта, интерьер, традиционная одежда, пища. Юрта становится также общественным помещением: гостиницы с металлическими кроватями с панцирными сетками; в одном из сомонов это «красная юрта», или уголок культуры, куда люди приходили почитать газеты, журналы, послушать радио, посмотреть фотовыставку. В юртах функционировали небольшие заводы по переработке молочных продуктов. Об интернатах в юртах было сказано выше. Люди искусно владели технологией традиционных производств. Заготавливали весь материал для юрты, умели установить ее за полчаса, шили кожаную и меховую одежду, готовили на каждый день еду из мяса и молока, консервировали их, а в магази-

не покупали только муку, мучные продукты и ткани для одежды. В традиционных юртах присутствуют современные предметы: безделушки, занавески, покрывало, цветы. Юрта ветеринара в Байшинте обставлена алюминиевой мебелью, на столе аккумуляторный радиоприемник, у стены два застекленных шкафа для книг и медицинских инструментов [5, с. 109, 111, 120, 155, 156, 160, 166, 188, 257]. Проводник А. Рона-Таша говорил ему, что монголы привыкают к оседлости, понимают ее преимущества, но привычка и традиции сильны, кочевая жизнь в юртах кажется им лучше: удобство передвижения, прохладное жилище в летний зной, вольные просторы, всегда свежее мясо [5, с. 246]. Следует помнить, что наблюдения А. Рона-Таша сделаны еще до решений XIII съезда МНРП об активизации седентаризации. Тем не менее, они демонстрируют инновации и тенденцию к сохранению традиций номадизма, обусловленную природно-климатическими условиями, социально-экономическим положением страны, традиционализмом людей. В 1973 г. Г. Цэрэнханд отмечает модернизацию быта членов СХО (убранство юрты, домашняя утварь, посуда, одежда, украшения), когда основные усилия направлены на общественное производство и лишь отчасти в личное хозяйство. Однако именно личное хозяйство и домашние работы, по ее объективному мнению, позволяют монголам сохранять целый ряд традиционных хозяйственных функций [10, с. 560, 561].

Выводы

В силу исторических причин монгольская народная революция и политика МНР не привели к быстрым и тотальным социально-экономическим трансформациям в монгольском сельском социуме. Выявляются два этапа модернизации: первый заложил основы трансформаций, второй привел к более существенным результатам. Активная социалистическая модернизация (кооперация и седентаризация) приходится на второй этап и занимает три десятилетия. Объективными причинами незавершенности седентаризации являются детерминированность социально-экономического состояния страны природно-климатическими условиями, ограниченное время, традиционализм населения. В результате модернизации в стране появляются два типа сельского населения, оседлый и кочевой, при этом юрта остается основным жилищем для обоих типов. Повседневная жизнь оседлого сельского населения претерпела более заметную трансформацию. Инновации в жизни аратов-кочевников не затрагивали в целом основных элементов жизнеобеспечения (хозяйство, жилища, пища, одежда) и гармонично вписались в привычный

повседневный поток жизни. Традиции и инновации функционировали в знакомых традиционных рамках повседневной жизни простых людей. Повседневная жизнь аратов МНР в условиях социалистической модернизации, безусловно, приобрела новые нюансы, но сохранила центральное ядро кочевнической культуры. Это позволяет считать, что к концу XX в. в МНР сохранялся кочевой образ жизни у большинства сельского населения.

Литература

1. Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945-1953 гг. [Электронный ресурс]: автореф. дис... канд. ист. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissertcat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-krestyanstva-vostochnoi-sibiri-v-1945-1953> (дата обращения: 31.01.2019).
2. Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979. 179 с.
3. Грайворонский В.В. Кооперированное аратство МНР: изменения в уровне жизни. 1960-1980. М.: Восточная литература, 1982. 214 с.
4. Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии: Социальные проблемы переходного периода 1980-1995. М.: Восточная литература, 1997. 184 с.
5. Рона-Таш А. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. М.: Прогресс, 1964. 310 с.
6. Жуковская Н.Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах [Электронный ресурс]. М.: Наука: Восточная литература, 1990. 112 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=235392&p=26>. С. 15. (дата обращения: 18.01.2019).
7. Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике // Советская этнография. 1976. № 4. С. 168-170. URL: http://nomadica.ru/biblioteka/se_77_2_batnasan.html (дата обращения: 28.01.2019).
8. Пунсалдулам Б. Освоение целины в Монголии. Монголоведение. 2013. № 6. С. 148-161.
9. Церенханд Г. Традиции кочевого стойбища у монголов // Монгол ахуй –угса соелын судалгаа (Бутэлийн түүвэр). Улаанбаатар хот, 2015. С. 538-545.
10. Церенханд Г. Современная монгольская семья // Монгол ахуй –угса соелын судалгаа (Бутэлийн түүвэр). Улаанбаатар хот, 2015. С. 559-563.
11. История Монгольской народной республики. М.: Восточная литература, 1967. 537 с.
12. Гатауллина Л.М. Экономическое и культурное сотрудничество МНР со странами социалистического лагеря // Экономика, история, археология: монгол. сб. ст. М.: Восточная литература, 1959. С. 31-58.
13. Якимов А.Т. XIII съезд МНРП – выдающееся событие в жизни монгольского народа // Экономика, история, археология: монгол. сб. М.: Восточная литература, 1959. С. 3-10.
14. Старицина П.П. Переход МНР к социализму, минуя капиталистическую стадию развития // Экономика, история, археология: монгол. сб. М., 1959. С. 11-30.

15. Монгольская народная республика. [Электронный ресурс] // Википедия: сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Монгольская_Народная_Республика (дата обращения: 24.01.2019).

16. Гомбожапов А.Д. Заметки о миграции и кочевниках Монголии // Изв. Восточного ин-та. 2017. № 4 (36). С. 91-96.

17. Гомбожапов А.Д. Оседание кочевников Монголии: исторические параллели // Вестн. Бур. науч. центра СО РАН. 2016. № 2 (22). С. 143-147.

УДК 908(09)(571.5)

Организация избирательных кампаний в сельские советы Восточной Сибири в начале 1920-х годов (на материалах Енисейской губернии)

Т.Г. Карчаева^а, Ю.В. Элтеко^б

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 82а, Красноярск, Россия

^аtatyana-verkhoturova@yandex.ru, ^бKarli_Elt@mail.ru

Статья поступила 13.12.2018, принята 18.01.2019

Реконструирован процесс выборов в отдаленных регионах Советской России в первые годы советской власти. Установлены особенности проведения избирательных кампаний в сельские советы на территории Восточной Сибири в 1920-е гг.: невыполнение прописанных законодательством сроков, общие отступления от законодательства на местах, малые размеры избирательных собраний, стремление со стороны вышестоящих советских и партийных органов соблюдать процедуру выборов, начало использования лозунгов и специализированных мероприятий для привлечения избирателей. Доказано, что проблемы организации выборов в низовые структуры сельского самоуправления были предопределены несовершенством советской системы управления, примером которого являются сельские советы Енисейской губернии.

Ключевые слова: выборы; избирательное право; сельские советы; Енисейская губерния; Сибирь.

Organization of election campaigns in the village councils of Eastern Siberia in the early 1920 s (on materials of the Yenisei province)

T.G. Karchaeva^а, Yu.V. Elteko^б

Siberian Federal University; 82A, Svobodny Per., Krasnoyarsk, Russia

^аtatyana-verkhoturova@yandex.ru, ^бKarli_Elt@mail.ru

Received 13.12.2018, accepted 18.01.2019

The election process in the remote regions of Soviet Russia in the early years of Soviet power is reconstructed. Specific features of election campaigns to village councils in Eastern Siberia in the 1920s were established: non-compliance with the deadlines prescribed by law, general deviations from local laws, small electoral assemblies, and a desire on the part of higher-level Soviet and party bodies to observe the election procedure, to start using slogans and special events to attract voters. It is proved that the problems of organizing elections to grassroots structures of rural self-government were determined by the imperfections of the Soviet system of government, an example of which is the village councils of the Yenisei province.

Keywords: elections; suffrage; village soviets; Yenisei province; Siberia.